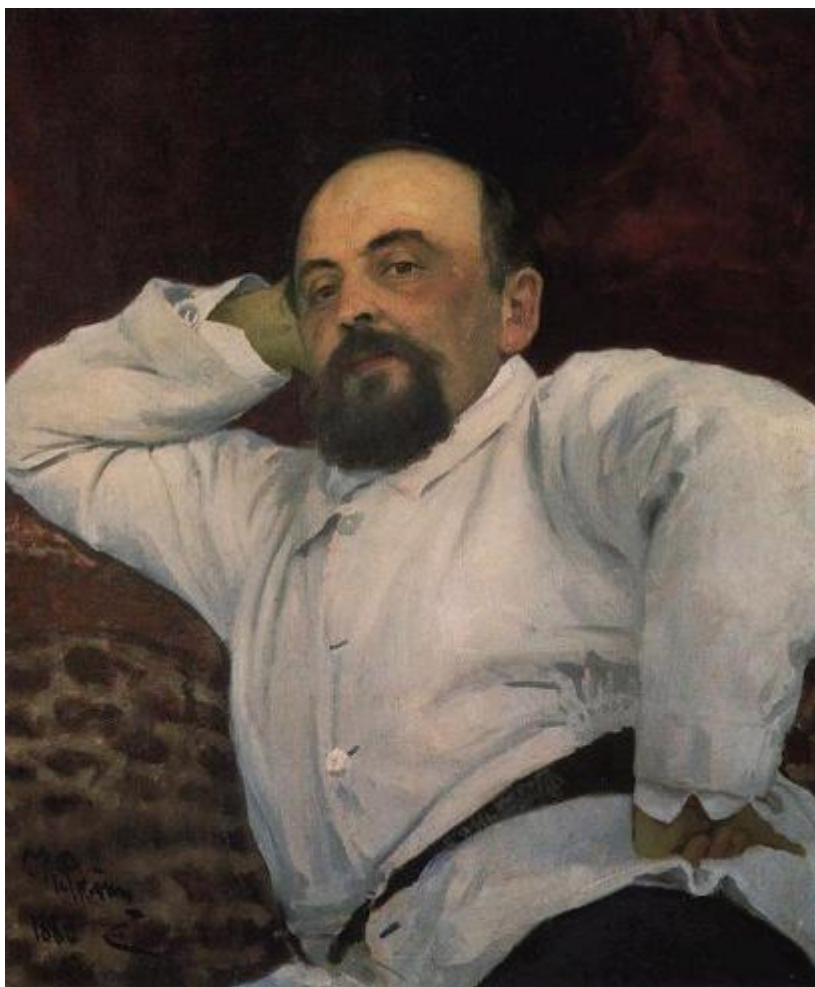

Влюбленный в искусство. Меценат Савва Мамонтов

«Золотой век» русского меценатства знает самые разнообразные купеческие характеры. Историческая память сохранила образы купцов буйных – и благочестивых, скупых дельцов – и бескорыстных благотворителей. Характер Саввы Ивановича Мамонтова сочетал в себе необыкновенную любовь к искусству, легкость нрава и кипучую жизненную энергию. Все это еще не говорит о сильном христианском чувстве. Однако развитие личности Саввы Ивановича привело его к религиозному подвигу – строительству храма.

И.Е. Репин. Портрет Саввы Мамонтова. 1880

Купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, в будущем - величайший железнодорожный магнат Савва Иванович Мамонтов родился в 1841 году в городе Ялуторовске за Уралом, в православной семье. Мамонтовы были крупными винными

откупщиками. Его отец, Иван Федорович Мамонтов, в 1847 году перебрался с семьей в Москву, а еще через шесть лет был возведен в потомственное почетное гражданство. Он был, как говорили в те времена, «любителем искусства»: в доме Мамонтовых устраивались вечера, где звучала жаркая полемика по поводу спектаклей и книг, гости пели и музицировали. По свидетельству современников, «природная музыкальность» была присуща и Савве Ивановичу. Детство будущего мецената прошло в кругу большой патриархальной семьи, что не могло не повлиять на его характер. Уже будучи взрослым, он будет превращать всю свою жизнь в один большой нескончаемый праздник в кругу новой, созданной им художественной семьи.

Савва Иванович, как и другие Мамонтовы-младшие, получил хорошее образование: сначала дома брал уроки у нанятого учителя, потом один год провел в гимназии; был определен отцом в Институт корпуса гражданских инженеров в Петербурге (1854--1856), затем учился на юридическом факультете Московского университета (1860--1862). Мало кто из купеческих сыновей получал в 1850-е годы столь достойное образование. Вот только... молодой человек усвоил лишь незначительную его часть. Тем предметам, которые юному Савве были интересны, он отдавался со всем жаром, присущим его натуре. Теми же, что не цепляли его за душу или не находили отклика в уме, не занимался вовсе. Московского университета С.И. Мамонтов так и не окончил: он увлекся театром, стал участвовать в студенческих постановках. Иван Федорович не мог одобрить увлечения сына: его заботила дальнейшая судьба семейного дела. В 1862 году он забирает сына из университета и отправляет его в Баку: на практике осваивать предпринимательскую стезю. Вскоре С.И. Мамонтов заболевает и едет в Италию поправлять здоровье. Савва Иванович влюбляется в Италию и... в Елизавету Григорьевну Сапожникову, путешествовавшую там же. Вернувшись в Россию, они обвенчались в 1865 году. В качестве свадебного подарка от И.Ф. Мамонтова молодожены получили дом № 6 по Садовой-Спасской улице, который вскоре прославился на всю культурную Россию великолепными музыкальными – и не только – вечерами. А в 1869 году, когда умер Иван Федорович Мамонтов, к его 28-летнему сыну Савве переходят семейные дела, а вместе с ними – огромный отцовский капитал.

Савва Иванович был активным деловым человеком, крупнейшим предпринимателем, а не пустым фантазером, но... это не мешало ему мечтать о воплощении в реальность сказочного пласта бытия. Мамонтов «брехал» искусством как таковым, без разбора его на составные части – музыку, скульптуру, живопись. Любил искусство бескорыстной, сумасшедшей любовью, пылал к нему неистовой страстью. Конечно, можно сказать, что удовлетворение страстей противоречит христианским идеалам. Но... именно страсть к культуре привела Савву Ивановича на путь подвига благочестия. Жизнь его словно бы

написана на холсте истории для того, чтобы, посмотрев на нее, можно было сказать с уверенностью: лучше быть пристрастным, нежели равнодушным.

В 1870 году С.И. Мамонтов приобрел у С.С. Аксаковой, дочери известного писателя и славянофила, имение Абрамцево, на долгие годы ставшее центром подлинно русской художественной жизни. Прежде всего, чета Мамонтовых искала возможность вдохнуть новую жизнь в русское искусство, наполнить его национальным духом. По их мнению, русский художественный стиль должен был перестать ассоциироваться с изжившими себя предметами старины. Мамонтовы не только увлеклись этой идеей сами, но и смогли увлечь многих творческих людей. Усадьба Мамонтовых, расположенная недалеко от Троице-Сергиевой лавры, стала тем центром, вокруг которого сложился «абрамцевский кружок», по сути, воплощавший в жизнь идеи, высказанные Саввой Мамонтовым и его супругой. Впрочем, порой его участники сами рождали новые идеи, для реализации которых Мамонтов придумывал наиболее удачные формы. В кружок этот первоначально входили профессор истории искусств А.В. Прахов, пансионеры Академии художеств М.М. Антокольский, И.Е. Репин и В.Д. Поленов. Каждое лето они приезжали в Абрамцево, где Мамонтовым была для них устроена мастерская. С течением времени состав кружка расширился, в него вошли «сказочники» В.М. Васнецов и М.А. Врубель, пейзажисты И.И. Левитан, И.С. Остроухов, В.Д. Поленов, а также А.М. Васнецов, Н.В. Неврев, К.А. Коровин. В Абрамцеве обрел собственный стиль М.В. Нестеров. Некоторые из этих художников будут не только гостить в Абрамцево, но и подолгу жить здесь, творя знаменитейшие из своих полотен. У Саввы Мамонтова было остро развито чутье на талантливых людей. Например, одним из первых он понял масштаб таланта В.М. Васнецова и М.А. Врубеля, в то время как окружающие смотрели на их творчество как на явление непонятное, а потому ненужное.

М.А. Врубель. Портрет Саввы Ивановича Мамонтова. 1897

Деятельность мамонтовского кружка была пестра и разнообразна. В то же время ее можно описать одной фразой Саввы Ивановича: «Надо приучить глаз народа к красивому на вокзалах, в храмах, на улицах». Помимо того, что в Абрамцеве активно развивалась русская национальная живопись, здесь, а также в московском доме Мамонтовых, происходило становление русской оперы. Именно в кругу мамонтовского кружка она прошла несколько стадий развития: устраивавшиеся в конце 1870-х годов воскресные «чтения» превратились за несколько лет сперва в «живые картины», затем – в любительские спектакли, обычно приходившиеся на Рождество (Савва Иванович был режиссером постановок, а зачастую и драматургом). Наконец, в 1885 году С.И. Мамонтов основал в Москве Частную оперу, ставшую на долгие годы его любимым детищем. Мамонтовская опера стала совершенно

новым явлением в музыкальной жизни России. Она собрала блистательных певцов, некоторые ее постановки сейчас считаются классическими. Но современники ее появление восприняли скептически. Некоторые советовали даже наложить на Мамонтова опеку: вроде бы крупный делец, а содержит предприятие себе в убыток. Да и какое предприятие – оперу! Немыслимое дело для коммерсанта!.. О нем говорили: «Большой человек – не делом занимается, театром». Тем не менее, именно в Частной опере С.И. Мамонтова начался творческий путь И.Ф. Шаляпина, в основу постановок легла музыка великих русских композиторов, которыми пренебрегала императорская сцена, – Н.А. Римского-Корсакова и М.П. Мусоргского. А художественные декорации к постановкам создавали К.А. Коровин, В.Д. Поленов, М.А. Врубель, И.И. Левитан. Кроме того, уже с 1880-х годов в Абрамцево шла бурная деятельность по воссозданию образцов народного орнамента, резьбы по дереву и камню, вышивки, по изучению старых и изобретению новых техник изготовления художественно-бытовой утвари, в том числе керамической. На основе собранной членами кружка коллекции впоследствии был создан уникальный музей народных промыслов.

Абрамцевский кружок дал Мамонтову в человеческом отношении то, чего не могла обеспечить никакая другая среда. Окружив себя талантливыми художниками, Савва Иванович оказался в ситуации, когда чужое горение давало ему возможность и самому гореть. Когда его «шампанское» открывали постоянно, предлагая деятельность блистательную, кипучую, разностороннюю. Он должен был чувствовать себя центром притяжения для множества одаренных личностей и, в то же время, двигателем для множества превосходных идей. Личные способности Мамонтова получили шанс раскрыться наилучшим образом. Как «организатор» художественного сообщества, он принял роль, отлично соответствующую его характеру.

Служением искусству пребывание Мамонтовых в Абрамцево не ограничивалось. Увлеченные воплощением той или иной идеи, они не забывали заботиться и о людях, в окружении которых жили на протяжении многих лет.

Мастерская усадьбы Абрамцево. Построена по проекту В.А. Гартмана. 1873

Баня-теремок. Построена по проекту И.П. Ропета. 1877--1878

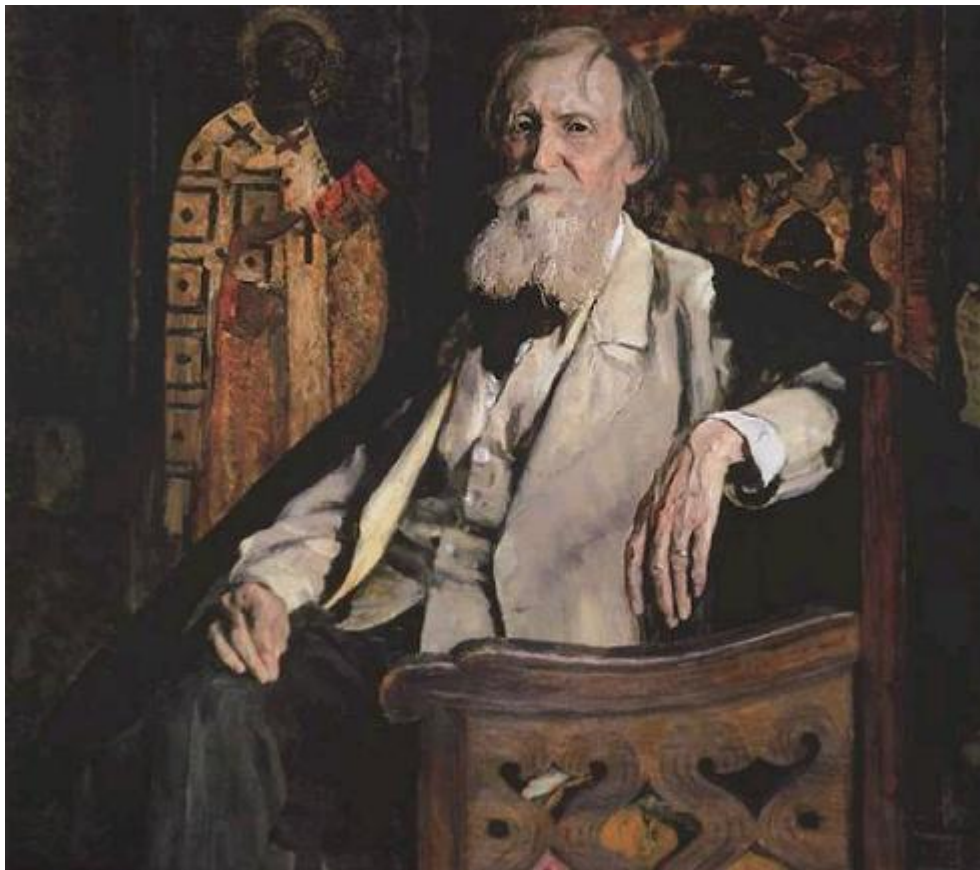
Само появление Мамонтовых в старой усадьбе многое изменило в быту абрамцевских жителей. Когда в 1871 году в соседних с Абрамцево деревнях вспыхнула эпидемия холеры, Мамонтовы и съехавшиеся к ним друзья под руководством студента Медико-хирургической академии П.А. Спиро «с жаром и геройским бесстрашием отдались делу лечения и ухода за больными». Благодаря их энергичной деятельности быстро удалось остановить распространение эпидемии. Это событие побудило Мамонтовых устроить для деревенских жителей больницу, а затем и школу – в округе не было ни того, ни другого. Здание лечебницы было построено в 1873 году, в полуверсте от усадьбы. В нее была приглашена постоянная фельдшерица, а по воскресеньям приезжал доктор. К усадьбе стали съезжаться больные со всей округи. В том же году была устроена школа. Обучение в ней вели сами члены Абрамцевского кружка: одни читали с ребятами книги, другие знакомили их с естественной историей, третьи руководили пением.

Кроме того, устроенные в Абрамцево столярная, а затем и гончарная мастерские были серьезным подспорьем для крестьян. Их дети, окончив школу, обучались выбранному ими ремеслу, и это давало им возможность постоянного заработка без отрыва от домашних и полевых работ. Окончивших мастерскую парней снабжали набором инструментов и материалами, дома они изготавливали различные вещи, а готовые изделия принимала у них та же мастерская. Таким образом, Мамонтов окольным путем, через увлечение культурой, пришел к социальной благотворительности. Но... на этом его путь не завершился. Он сделал следующий шаг – и пришел к Церкви.

Увлеченность Саввы Ивановича высокой культурой, благородное горение главнейших участников Абрамцевского кружка, положительным образом повлиявшее на его главу, привели Мамонтова к подвигу христианского благочестия – возведению храма. Пусть этот путь – не прямой, но Господь иной раз самыми необычными дорогами подводит людей ближе к себе. Поднимая на новую ступень национальную культуру, Савва Иванович почувствовал ее потаенное ядро – Христову веру. И усилия его, как благотворителя, привели к возникновению настоящего шедевра именно в виде церкви, а не чего-либо иного. По воле Мамонтова строилось многое – вплоть до Савеловского вокзала в Москве. Но печать гения лежит только на абрамцевском усадебном храме. Воля Саввы Ивановича соединила в одном творении христианскую истину с блестящим интеллектом и художественным даром многих людей.

В.М. Васнецов. Дубовая роща в Абрамцево. 1883

М.В. Нестеров. Портрет художника В.М.Васнецова. 1925

По свидетельству Н.В. Поленовой, сама идея церковного строительства появилась в 1878 году, в светлый праздник Пасхи, который Мамонтовы решили, вопреки обыкновению,

встретить в Абрамцево. По причине половодья и бездорожья нельзя было проехать в приходской храм в селе Ахтырка, поэтому заутреню устроили дома, под звон колоколов Хотьковского монастыря. После этого Мамонтовы, их друзья и родственники стали ежегодно встречать Пасху в Абрамцево. В 1880 году в Великую субботу река Воря разлилась настолько сильно, что жители окрестных деревень не могли попасть в ближайшую церковь – и устремились на службу в усадьбу. Тогда-то и пришла в голову Савве Ивановичу мысль о постройке часовни. Мысль эта активно обсуждалась, но не была реализована. Зато через год было принято решение строить не часовню, но храм – во имя Спаса Нерукотворного образа.

В строительство храма оказался вовлечен весь мамонтовский кружок, но больше прочих этой работой загорелись В.М. Васнецов и В.Д. Поленов. Руководил строительством сам Савва Иванович: он решал, претворять ли в жизнь ту или иную идею. В архитектурном облике храма Поленов предложил ориентироваться на новгородскую церковь конца XII века – Спаса на Нередице. Идею одобрили, Васнецов разработал детальный проект. Прежде чем приступить к его воплощению, члены кружка под руководством Поленова предприняли поездку в Ростов и Ярославль – посмотреть местные «древности» – сохранившиеся памятники древнерусского зодчества. Поездка еще более укрепила всех ее участников в необходимости продолжить начатое дело. Участники кружка горели желанием осуществить свой план как можно скорее. Поэтому в конце мая 1881 года приступили к кладке, не дождавшись официального разрешения возводить храм. Церковный обряд закладки состоялся лишь 1 сентября. «Первые камни» на месте будущего алтаря положили священник, Савва и Елизавета Мамонтовы и остальные участники строительства. К этому времени значительная часть церкви была уже готова.

Постройка храма, как никакая другая мамонтовская идея, сплотила членов кружка. Вместе они искали подходящие орнаменты, с жаром обсуждали каждую деталь, вместе вырезали рисунок по камню и дереву, вместе воплощали другие задумки... Иными словами, работа шла с необыкновенным воодушевлением. Каждый занимался тем делом, которое было ему по силам – и по душе. Когда каменное строительство в основном завершилось, принялись писать образа для иконостаса и продумывать внутреннюю отделку храма. Большой образ Спаса Нерукотворного, исполненный с необычным для церковной живописи реализмом, а также небольших размеров образ Софии, Веры, Надежды и Любви был написан для церкви И.Е. Репиным. Барельеф головы Иоанна Крестителя на блюде высек из камня М.М. Антокольский. Е.Г. Мамонтова и ее двоюродная сестра Н.В. Якунчикова вышивали по эскизу В.Д. Поленова шелковые хоругви. Савва Иванович, приезжавший в Абрамцево к вечеру и по праздничным дням, тоже участвовал в деле: высекал, наравне с другими, каменный орнамент, воодушевлял всех новыми идеями и добрыми шутками. Именно он

обеспечивал все необходимые строительные материалы и нанимал на работу кузнецов, каменотесов, позолотчиков. Миллионер Мамонтов оказался в роли «прораба» на строительстве храма в собственной усадьбе. Можно ли в наши времена представить себе кого-либо из российских олигархов в подобном амплуа?

Церковь в Абрамцево

Фрагменты резьбы по камню, оформляющие вход в церковь

Главные работы по внутренней отделке храма вели В.Д. Поленов и В.М. Васнецов. В.С. Мамонтов, сын Саввы Ивановича, пишет в воспоминаниях, что без их деятельного участия церковь, скорее всего, не была бы построена. Причудливый иконостас – деревянный, Царских врат икону Благовещения и несколько мелких образов для иконостаса. Он же выполнил изразец с ликом Нерукотворного Спаса, помещенный снаружи над входной дверью, и многочисленные эскизы паникадил, подсвечников, церковной утвари и т.п.

Наибольшее количество росписей в храме исполнил В.М. Васнецов. Так, для иконостаса он написал большой, во весь рост, образ Сергия Радонежского. Это был его первый опыт религиозной живописи, ставший для художника откровением и повлиявший на всю дальнейшую творческую судьбу Виктора Михайловича. Создал он и несколько мелких икон, в том числе икону Божьей матери с младенцем. Когда в храме стали делать полы и из-за отсутствия плит хотели делать обыкновенный цементный пол с плиткой, Васнецов возмутился и настоял на художественной выкладке мозаичного узора. Набросал рисунок – стилизованный цветок – и лично работал с мастерами, укладывавшими мозаику. В 1891 году умер и был похоронен в Абрамцево рядом с церковью Андрей, один из сыновей Саввы Ивановича. По проекту Васнецова над его могилой к храму была пристроена часовенка. Она столь органично вписалась в силуэт церкви, что в наши дни многим посетителям Абрамцево представляется архитектурным элементом, с самого начала принадлежавшим зданию.

Окончательное завершение и отделка храма пришлось на весну-лето 1882 года. Купол церкви украсили изразцами – еще не местными, абрамцевскими, но заказными. Освящение церкви состоялось летом 1882 года, в «Спасов день», и стало всеобщим праздником. А вскоре состоялся еще один праздник: венчание В.Д. Поленова и Н.В. Якунчиковой в только что построенном храме.

Абрамцевская церковь по архитектурному убранству и самому духу своему ничуть не напоминала российские храмовые здания середины XIX столетия, подчиненные строгому рацио. Во второй половине века, особенно при государе Александре III, правительство искало способы воплотить в языке камня русско-византийский стиль, но удачных опытов оказалось до обидного мало. Там выходило слишком казенно, тут – слишком помпезно... Русская форма еще слишком зависела от европейского опыта наших архитекторов, а потому на нее мало откликалась душа русского народа. Настоящих больших удач, надо подчеркнуть, оказалось совсем немного. Они были, да, движение в эту сторону постепенно набирало силу, но... уж очень постепенно. Абрамцевский храм на этом фоне выглядит настоящей жемчужиной. Его создавали высокообразованные люди, отлично разбиравшиеся в европейском художественном опыте нескольких предыдущих столетий. Однако церковь они строили так, будто Россия не прошла Петровской вестернизации, будто не было у нас ни барокко, ни классицизма, ни ампира. Их творение плоть от плоти лучших образцов древнерусского зодчества, выглядит подобно им и как будто испускает сияние святорусской древности. Компания рафинированных интеллектуалов, возводя эту церковь, объяснялась Богу в любви на простом языке отдаленных предков. Она по мере взросления все больше и больше становилась живым свидетельством того единения, которое произошло между членами абрамцевского кружка в устремлении к высшим христианским идеалам.

По-разному дается людям вера. Некоторые люди получают веру по наследству – от матери с отцом, от деда с бабушкой, от прадедов, от всей толщи прежних поколений. А кому-то приходится в зрелом возрасте принимать ее. Или, может быть, заново входить в «детскую религиозность», отброшенную когда-то, на пороге взросления. Это в первую очередь касается высокообразованных людей. Для них мало веры, полученной из родительских рук, мало веры, воспитанной в детстве, мало веры, основанной на чувстве. Им нужна вера продуманная, принятая твердо, как результат сознательно сделанного выбора. Так вот, абрамцевские художники были как раз из подобных людей. И созданный ими храм, в сущности, -- акт уравнивания «умной» веры с верою простодушной, мистическим христианством русского средневековья, чудесным православием детства.

Итогом совместной работы полутора десятков чутких к красоте людей стало создание не копии какого-то одного храма, а некоего идеального воплощения в одном памятнике сокровенной сути русского церковного зодчества. Благодаря Савве Ивановичу этот большой труд удалось довести до конца. Будучи деловым человеком, он не мог участвовать в работах постоянно, но, как пишет И.Е. Репин, «налетал на нас, как освежающий дождь, весело вспрыскивал нас своими добрыми замечаниями и незаменимыми советами», вселял в членов кружка задорную уверенность в своих силах и жажду творчества. Как бы то ни было, абрамцевская церковь стала созданием не одного человека, но многих устремленных к высшей красоте умов. Она словно принадлежит сказочной реальности. Может быть, сказывается то, что в ее проектировании принял столь активное участие Васнецов, мастер сказочной живописи. А может быть, причина тут другая. Иногда людям, охваченным красивым, светлым чувством, Бог позволяет протянуть руку в сказку и добыть там нечто невероятное, несбыточное – для нашей действительности. Они как будто получают опыт пребывания в ином мире, более близком к совершенству изначалья, к потерянному раю... Не награда ли это за чистоту души? Не чудо ли доброе? Творцам храма в Абрамцево дали возможность перенести сказку в наш мир и утвердить ее здесь. От нее стало светлее.

Жаль только, что не всегда творцам сказки позволяется жить в том сказочном мире, который был создан благодаря их усилиям...

Полтора десятка лет прошло с тех пор, как была построена церковь Спаса Нерукотворного образа в Абрамцево. С тех пор, как сплотила она хозяев усадьбы не только с их гостями, но и с простым народом, приходившим молиться в новый храм. Наступил 1899 год, а с ним – полный крах Саввы Ивановича как предпринимателя. Было возбуждено уголовное дело по факту растраты им средств Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Виновность Мамонтова по этому делу доказана не была. Существуют версии, согласно которым его «подставили». Финансовый корабль Саввы Ивановича мог бы еще выплыть, но в чьих-то глазах он виделся слишком ценным имуществом, чтобы оставлять его в руках мечтателя... Как бы то ни было, к концу шестого десятка лет Савва Мамонтов оказался на обочине жизни. После пяти месяцев пребывания в одиночной камере Таганской тюрьмы, а затем под домашним арестом он был полностью оправдан. Но... имущество Мамонтова было распродано. Савва Иванович поселился у Бутырской заставы при гончарном заводе «Абрамцево», основанном в 1889 году.

Так получилось, что к концу жизни Мамонтов остался одинок. Не было больше шумных компаний, не осталось средств, которые можно было тратить на искусство. Но гораздо больше, чем потеря денег и имущества, Савву Ивановича тяготило одиночество. Мамонтов

был человеком, который ощущал полноту бытия тогда лишь, когда оказывался в центре большого коллектива. Творческие люди были для мецената своеобразным источником жизненной энергии. Получив ее, он возвращал сторицей. Савва Иванович был для своих товарищей печкой, возле которой всегда можно отогреться. Так произошло и в начале 1880-х, когда строилась абрамцевская церковь. Вокруг Мамонтова оказалось несколько глубоко верующих людей, принадлежащих миру искусства. Их религиозность «разогрела» христианские чувства Саввы Ивановича. Из этого взаимного обогащения, из общей увлеченности, из благой способности Мамонтова дарить силу добрым начинаниям и родился удивительный храм-сказка.

На закате жизни Савва Иванович был лишен подобного общения.

В 1907 году умирает дочь Саввы Ивановича Вера, в 1915-м – старший сын Сергей, а в 1908-м – и Елизавета Григорьевна. Сам Савва Иванович в почти полной безвестности дожил до революции, скончался в 1918 году после продолжительной болезни и был похоронен у Спасской церкви в Абрамцеве, рядом с сыном Андреем.

Печально завершился жизненный путь одного из величайших русских меценатов. Но в нем была вершина, подсвеченная добрым огнем христианского чувства. И к ней Савва Иванович вернулся, когда пришел его последний срок.

АННА ФЕДОРЕЦ